

ЎГРЕДІГЛІГ ПІЧІКТЕР

XX сыхча

Филология сериясы 3 №

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск XX

Серия филологическая № 3

А. Г. КЫЗЛАСОВА

**КРИТИКА О РОМАНЕ Н. ДОМОЖАКОВА
«В ДАЛЕКОМ ААЛЕ»**

Со времени появления первого хакасского романа «В далеком аале», посвященного изображению переломного периода в истории хакасского народа — борьбы за становление Советской власти в Хакасии, прошло более пятнадцати лет. Роман выдержал восемь изданий, получил признание всесоюзного читателя. О нем опубликовано более двадцати критических статей и рецензий, анализирующих и оценивающих его идейно-художественное содержание.

Прежде чем вести разговор об отношении литературной критики к роману, следует выяснить вопрос о его жанровом своеобразии. Имеются различные мнения критиков по этому вопросу. Так, впервые определил жанр романа «В далеком аале» К. Ф. Антошин, который отмечает: «Роман «В далеком аале» по жанру следует отнести к социально-бытовому: в произведении рост классового самосознания хакасской бедноты, вовлечение ее в решительную борьбу за торжество социалистического начала в жизни хакасского народа дается на широком фоне жизни и быта труженников хакасского селения».¹ Этот вывод относился к первому варианту романа, где действительно повествование о повседневных делах и заботах пахотников аала, их верованиях занимало большое место. Но при переводе и подготовке к изданию на русском языке роман подвергся переработке. И К. Ф. Антошин в своей новой работе приходит к выводу, что «в результате больших переработок в окончательном варианте роман приобретает отчетливо выраженные черты социально-психологического романа».² В

Ссылки см. в «Списке литературы» в конце статьи.

работе, посвященной анализу романа «В далеком аале», мы отмечаем, что Н. Доможаков ставил целью показать историю становления характера не отдельной личности, а приобщение всего хакасского народа к социалистической действительности. Поэтому в романе нет глубокого психологического анализа отдельных персонажей. Как известно, к социально-психологическим романам принято относить романы-судьбы, где на широком социальном фоне глубоко анализируется развитие одной личности, ее духовного мира. А на первом этапе развития младописьменных литератур, когда еще не получили развития все жанровые разновидности романа, появление социально-психологического романа, видимо, вообще не характерно для них. Такой роман появляется в пору определенной зрелости литературы. Естественно, в любом художественном произведении социалистического реализма характеры героев должны быть раскрыты психологически глубоко и правдиво. А в социально-психологическом романе исследование характера героя, глубокое раскрытие его духовного мира занимает ведущее место. Поэтому нам представляется не совсем правомерным вывод К. Ф. Антошина.

М. А. Унгвицкая в предисловии к сборнику стихов Н. Доможакова называет роман историко-революционным.³ Аналогичную точку зрения высказывают критики В. Горбачев и С. Гармаева.

Р. Бикмухаметов при обсуждении особенностей романа в младописьменных литературах в журнале «Вопросы литературы» отмечает, что наибольших удач младописьменные литературы достигли в жанре историко-революционного романа. «Сибирская проза также стремится заглянуть в далекое прошлое народа, установить еще более прочные связи с многонациональным литературным коллективом. Роман Н. Доможакова свидетельствует, что это во многом удается. Его лаконизм, отчетливый психологический рисунок образов, выверенность композиции — залог дальнейших успехов».⁴

Из этого следует, что и Р. Бикмухаметов относит роман к историко-революционному типу. Но автор романа не дает широкой картины участия хакасского населения в подготовке и совершении революции. Роман охватывает период, когда уже завершилась гражданская война. Правда становление Советской власти на территории Хакасии и привлечение хакасского народа к обновлению жизни тоже своего рода революция, перевернувшая всю жизнь народа. Однако это, по нашему мнению, не дает основания определять «В далеком

аале» как тип историко-революционного романа. Анализируя ряд крупных произведений народов Сибири, Р. Бикмухаметов приходит далее к мысли, что у них прежде всего появляется историко-социальный роман. Поддерживая эту мысль критика, мы считаем, возможным отнести роман «В далеком аале» к историко-социальному типу романа и в своей работе стремимся обосновать эту мысль.

Критикам еще предстоит продолжить обстоятельный разговор по проблеме жанра романа «В далеком аале».

С первым анализом романа «В далеком аале» выступил П. Трояков в газете «Ленин чолы». Автор отмечает достижения в развитии советской и, в частности, хакасской литературы, которые стали благодатной почвой для создания первого крупного эпического произведения. П. Трояков не ставит своей задачей провести глубокий анализ художественной формы романа. Но как достоинство романа отмечает его своеобразный богатый стиль, сочный народный язык, умение автора зримо, ярко рисовать хакасский пейзаж.

Наиболее глубоко критик анализирует образ Пичона, раскрывает его истинное лицо как буржуазного националиста, умело скрывающего свое имя и живущего двойной жизнью. Остальных героев Трояков только называет, сообщая, что автор показал каждого из них со своим лицом, биографией. Рецензент видит наличие нескольких сюжетных линий, перепутанность романа второстепенными персонажами, рыхлость композиции. Отмечает, что в связи с незавершенностью романа линия молодых героев не прослежена, не раскрыта до конца.

Наиболее полный анализ романа, опубликованного на хакасском языке, сделан П. А. Трояковым в статье «Первый хакасский роман»⁶ и книге «Очерки развития хакасской литературы».⁷ В этих работах автор глубже анализирует достоинства и недостатки первого романа.

Проследив путь развития хакасской литературы в годы Советской власти, обрисовав историческую обстановку, легшую в основу романа, автор отмечает одно из достоинств романа — стремление «по возможности шире охватить наиболее типические черты жизни хакасов того времени, показать различные по общественному положению, по характеру занятий слои населения». Автор отмечает, что роман обогатил хакасский литературный язык, расширил потенциальные возможности языка, заложенные в фольклоре, расширил средства художественной выразительности.

Анализируя образы героев, автор статьи отмечает умение

Доможакова обобщенно и в то же время глубоко индивидуализированно показывать персонажи, красочно рисовать картины быта, степи и горы, пастушьи стойбища. Наиболее удачно, отмечает Трояков, показаны образы Домны, Хоортая, Сагдая, Полынцева, Пичона.

Одним из серьезных недостатков, отмечает критик, является рыхлость композиции, самодовлеющее описание отдельных картин, событий, которые в сюжетном развитии романа или совершенно не нужны или играют лишь очень незначительную роль, они не работают на изображение характеров. Указывает на перегруженность романа бытовыми деталями, на ничем не оправданные «слишком часто повторяющиеся грязные разговоры Пичона о женщинах, циничные признания в коварных делах, попытки изнасилования, сцены обжорства и пьянки», на слишком густо нагнетаемые пороки отрицательных героев, которые снижают сатирическую заостренность. Указывалось на немотивированность поступков многих героев, недостаточное художественное раскрытие образов отдельных персонажей.

Признавая эти замечания критика справедливыми по отношению к первой хакасской редакции романа, мы должны отметить, что в последующих изданиях эти недостатки в основном преодолены. Только образ Хапына остался почти неизменным. П. Трояков отмечает, что в развернутых автором событиях, сюжетных коллизиях этот образ не несет большой художественной нагрузки. По нашему мнению, в последнем варианте романа автор немного больше уделит места в событиях романа этому образу. Но Хапын остался также малоактивным. Он, по замыслу автора, служит тенью Пичона, является марionеткой в его руках. Пичону нужны только его деньги для осуществления своих националистических планов.

Критик отмечает превосходное владение писателя языковым изобразительным материалом, использование богатого арсенала народного разговорного стиля, делая замечания при этом, что роман не всегда легко читается, что «стремление автора выразить мысль образно и метафорично затрудняет восприятие читателя». Но нам кажется, что трудность восприятия читателем языка романа, которую заметил критик, следует объяснить особенностями стиля и не столько чрезмерным стремлением автора «выразить мысль образно и метафорично», сколько, прежде всего, неподготовленностью хакасского читателя к восприятию крупных эпических полотен. Хакасский читатель впервые получил крупное произведение, где

обогащенный литературный язык предстал во всей полноте. Это произведение написано богатым, образным языком, сложным своеобразным стилем.

Статьи У. Н. Кирбижекова «Ыраххы аал піске чагын» (Далекый аал нам близок)* и «Н. Г. Доможаковтын «Ыраххы аал» романынаар» (О романе Н. Г. Доможакова «В далеком аале»)⁹ написаны в помощь учителю. Исходя из этого, автор определяет тему, передает содержание, анализирует основные образы, стиль и язык романа. Раскрывает способы изображения природы и быта, исторической обстановки.

Автор статей очень верно определяет своеобразный путь к новой жизни Апах, представителя сеока Хапына, но оторвавшегося от своего рода и тянувшегося к новой жизни. У. Н. Кирбижекова подчеркивает богатство языка автора, его мастерство художественного отображения действительности. Свои выводы иллюстрирует примерами из текста.

Но автор данных статей не говорит о месте образов русских коммунистов в композиции романа, совершенно не касается определения сюжетных линий, композиции. Это же характерно и для работ П. Троякова, хотя в анализируемом этими критиками хакасском варианте романа влияние коммунистов Губенкова, Жаркова, Эпсе на развитие революционных настроений в аале дается довольно полно.

У. Н. Кирбижекова подчеркивает большое значение романа в познании учащимися истории своего народа, его быта и борьбы за новую жизнь.

Интересный анализ романа сделал критик и литературовед К. Ф. Антошин в статье «Роман Н. Г. Доможакова «В далеком аале»¹⁰ и книге «Жизнь молодой литературы». Автор этих работ анализирует первый вариант романа в подстрочном переводе и тогда еще незаконченный художественный перевод в рукописи.

К. Ф. Антошин сделал сравнительный анализ русского и хакасского вариантов романа и в дальнейших своих работах проследил рост мастерства писателя от первого издания романа до последнего.

Как уже отмечалось выше, К. Ф. Антошин первым поставил вопрос о природе жанра романа «В далеком аале». Новым в указанных работах является также глубокий анализ социального содержания романа. Автор отмечает жизненность и типичность образов, подчеркивает, что через образ Эпсе писатель раскрывает историю дружбы хакасского народа с русским, учебу у них и преемственность революционных традиций.

Но, указывает критик, автор романа не сумел изобразить организаторов новой жизни в хакасском аале также полно, и выразительно, как рядовых пастухов, представителей хакаского народа. «О роли коммунистов в приобщении хакасов к новой жизни рассказано в произведении в самых общих чертах, несколько скупо и бегло». Таково суждение автора по незаконченному переводу романа. Возможно, в том варианте так и было переведено. Но в хакасском тексте эти образы раскрыты глубже. Однако из-за незаконченности романа нельзя проследить активное участие этих героев в развитии сюжета. Но их влияние на рост революционной сознательности хакаских скотоводов показано убедительно и характеры это живые, ярко индивидуализированные.

К. Ф. Антошин отметил огромную работу, проделанную автором и переводчиком Г. Сысолятиным при подготовке романа к изданию в журнале «Сибирские огни». «Значительная доработка романа проводилась с целью усилить его идейное звучание, привести в соответствие социальную и бытовую жанровые линии, освободить главный сюжет от малозначительных подробностей, различного рода авантюрных и внешне занимательных сюжетных коллизий, излишнего этнографизма».¹⁰

Наряду с идейно-тематическим анализом, анализом образной системы, художественного мастерства писателя, К. Ф. Антошин прослеживает историю дружбы Пичона с охотником Кормасом, вскрывает причины, которые помогли старому охотнику понять свои заблуждения, открыли глаза на истинное лицо Пичона, его план и помогли приобщиться к революционным событиям.

После публикации романа «В далеком аале» в роман-газете и издательстве «Современник» он получил признание всесоюзного читателя. Об этом свидетельствуют многочисленные выступления критиков в центральной печати.

Высоко оценивая роль первого хакаского романа в развитии литератур Сибири, Г. Ломидзе, Р. Бикмухаметов, С. Сартаков подчеркивают его отличие от других произведений младописьменных литератур. Видят они это отличие в том, что «роман написан сжато, с первых страниц приковывая к себе внимание стремительным развитием сюжетных линий»,¹¹ в том, что он не имеет такого эпического размаха, как «Из тьмы веков» И. Базоркина и «Белая тишина» Г. Ходжера. Как одно из достоинств романа авторы подчеркивают социальную заостренность конфликта, легшего в его основу.

«Роман Н. Доможакова полон энергии. В нем кипят и пе-

реливаются через край людские страсти. Все находится в движении, все устремилось навстречу заре революции»,¹² — пишет Г. Ломидзе. Автор очень ярко раскрывает историческую обстановку, воссозданную Н. Доможаковым в романе, события, которые разбрасывают людей по разные стороны баррикад, и они вступают между собой в решительную схватку, трудности в понимании классовой борьбы, преодолении вековой отсталости и постепенное приобщение народа к идее социализма, новой жизни, которую несут людям аала русские коммунисты.

С. Сартаков отмечает мастерство писателя в создании типичных национальных образов. Особенно образ Хоортая, «...похожего на традиционных литературных дедов». «Автор, — пишет С. Сартаков, — типизирует в нем (романе) события и героев с позиций интернационалиста, радующегося победе ленинских идей».

Г. Ломидзе в статье «Преемственность и поиски нового» подчеркивает, что автор, великолепно зная быт хакасского народа, «изучает его и как художник, и как этнограф и социолог».

Так же высоко оценивает роман Ю. Николаев в статье «Буря над аалом»: «Внутренне роман насыщен глубоким драматизмом, борьбой настоящего с темными силами прошлого. Характеры героев показаны в развитии, выпукло, словно бы вырубленные из гранита. Дедушка Хоортай, всю жизнь гнувший свою спину на баев, в конце произведения по-человечески распрямляется, чувствуя себя хозяином на родной, выгоренной пылью и слезами земле. Другая судьба ожидает и его внука Сабиса».¹³ Автор статьи отмечает умение писателя с большой душевной теплотой раскрыть образы положительных героев, ярко, глубоко типично обрисовать отрицательных персонажей.

Исследуя хакасский роман в русле всей многонациональной советской романистики, Р. Бикмухаметов определяет его место в сибирской прозе и как «новый решительный шаг в развитии романа в Сибири... как залог его дальнейших успехов».¹⁴

И. Захорошко в рецензии на роман опубликованной в журнале «Молодая гвардия», пишет: «Раскрывая в художественной форме малозвестную яркую страницу истории нашего многонационального отечества, роман Николая Доможакова «В далеком аале», безусловно, являет собой немаловажное событие в культурной жизни страны».¹⁵

Критик В. Горбачев находит несомненное влияние «Под-

нятой целины» М. Шолохова на роман «В далеком аале».¹⁵ Естественно, достижения всей многонациональной советской литературы, ее опыт оказали огромное влияние на развитие жанра романа в хакасской литературе. Здесь можно найти влияние романов А. Фадеева, А. Серафимовича и Т. Сыдыкбекова и многих других. По-фадеевски динамично рисует автор борьбу за новую жизнь, по-шолоховски просто и ярко изображает быт своего народа. Зримо стоят перед глазами читателя картины хакасской природы. И вместе с тем автор не сделал Польшцева посланцем партии, как, скажем, Давыдов у Шолохова. В условиях борьбы с бандитскими шайками в первый год освобождения Сибири от колчаковщины это было бы исторически неверным. Именно случайность появления Польшцева в Чобатском аале является типичным для столь отдаленного района и в этом глубокая правдивость судьбы героя, обстоятельств его жизни. Огромна роль Польшцева в переустройстве старого мира в хакасском аале и в переходе населения аала к новому социальному укладу. По долгу своей партийной совести, под руководством большевиков Минсуга принимает он активное участие в строительстве новой жизни в хакасском селе.

Критик Л. Тераколян, наряду с анализом основной темы и конфликта, дифференцирует влияние русских на хакасское население: если русские большевики вносили свет в сознание хакасов, то влияние купцов и белогвардейцев было совсем иное. С появлением семьи Польшцевых в аале среди темных масс начинается пробуждаться постепенно усиливающаяся тяга к новой жизни. «Элементы первобытных верований, страх перед таинствами природы, застойная патриархальность, ужасающая нищета и неграмотность как бы встречаются с дерзаниями революции, ее мечтами и планами, устремленными к самым вершинам цивилизации».¹⁶ В этом, несомненно, большое значение романа, вмещающего значительное историческое, социально-классовое содержание.

Критики многосторонне раскрывают вопрос о положительных сторонах романа, его значении. Отмечая многое ценное в романе, критик Л. Якименко останавливается и на некоторых его недостатках. Надо согласиться с его замечанием о том, что прекрасно выписав очень сложный образ Пичона, автор «ослабил внимание к его характеру в самый напряженный момент, когда Пичон, опасаясь ареста, бежит из аала, скрывается в горах. И вот здесь среди собранных им бандитов он вдруг теряет и волю, и присущую ему энергию. Этим ослабляется и

финал романа, когда банда, засевшая в неприступном месте, довольно легко была ликвидирована».¹⁷

По-своему интересно анализирует роман С. Гармаева, отметившая символическую завязку романа. Критик отмечает символический образ бешено мчащегося косяка лошадей, который заставляет ощутить приближение каких-то кардинальных событий, которые могут сдвинуть все с устоявшихся мест. С. Гармаева отмечает, что для народа степняка и кочевника всегда лучшим другом был конь. В романе кони играют немаловажную роль. Действительно, можно отметить, что автор особенно в хакасском тексте ярко рисует коней, поэтизирует взаимоотношения хозяев с конями, олицетворяет привязанность Мухортого, Солового к своим хозяевам, рисует их живыми, мыслящими, с их бедами и радостями. С. Гармаева считает символическим и то, что глоток живительной влаги дает Сабису Федор Польшцев, и то, что Польшцев становится организатором сил, поднявшихся против богачей-хищников, терзающих хакасскую землю. И жуткая картина камлания шамана, пытающегося заглушить владеющий бандитами страх, отогнать мысль о неминуемой расплате, полна предчувствия близящегося конца.

Новым в работах С. Гармаевой является ее стремление проникнуть в эстетическую природу романа, осветить художественное его своеобразие, определить роль фольклора в укреплении реалистических традиций.¹⁸

Критик К. Ф. Антошин в работе «Время добрых надежд», подготовленной для издания в «Современнике», рассматривает роман «В далеком аале» в русле развития трех литератур тюрко-язычных народов Южной Сибири. Автор анализирует роман в сопоставительном плане с произведениями этих народов. Подчеркивает народность романа, художественное мастерство писателя в первом крупном эпическом произведении хакасской прозы. Критик отмечает большой и напряженный труд писателя по овладению этим мастерством в «нелегком и сложном процессе многоступенчатого совершенствования «Далекого аала». Надо отметить, что большая работа была проделана при подготовке к первому изданию романа на русском языке. А в следующих изданиях делались лишь небольшие доработки и редакторские исправления. К. Ф. Антошин подробно анализирует образы Хоортая, Сагдая, Сабиса, Онис, отмечает «историю взаимоотношений Пичона и Кормаса в его сложном пути к новой жизни». Интересно прослеживается им развитие образа Пичона, носителя идеологии бур-

жуазного национализма. Совершенно прав К. Ф. Антошин, говоря, что в хакасском варианте «автор живописал Пичона и Хапына сатирическими красками, несколько злоупотребляя ими, отчего Пичон и Хапын были обрисованы односторонне. В окончательном варианте романа чрезмерные сатирические краски, иногда чересчур густо наложенные на лица Хапына и Пичона, натуралистические сцены, связанные с изображением двух этих персонажей, уходят на второй план или стираются начисто. Образы Пичона и Хапына здесь даны как образы реалистические, их поступки и поведение социально мотивированы и вытекают из логики развития характеров».²

Вызывает возражение вывод критика о том, что в хакасском тексте четкая индивидуализация характеров «была всего лишь намечена». Надо сказать, что в хакасском варианте образы индивидуализированы более ярко, чем в русском. В хакасском варианте кроме всех приемов индивидуализации образов, применяемых автором, более глубокому раскрытию образов героев способствует их речевая характеристика. Каждый персонаж говорит своеобразным языком, употребляет только свойственные его характеру слова и выражения. В русском варианте своеобразие авторской речи полностью сохранит невозможно. Поэтому роман теряет в переводе многие черты «национальной окрашенности», как это верно заметила критик С. Гармаева.

Итак многое в изучении романа «В далеком аале» уже сделано. Критики отметили и классовую направленность романа, его народность и партийность, социальную заостренность конфликта, легшего в основу романа, и мастерство писателя в художественном изображении действительности, богатство языка автора и своеобразие его стиля. Отметим его положительные стороны и ряд недостатков. Но нет еще всестороннего анализа романа под углом зрения единства художественной формы и содержания. Перед исследователями стоит задача провести углубленный идейно-эстетический анализ романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Константин Антошин. Жизнь молодой литературы Красноярск, 1967, стр. 67.
² К. Ф. Антошин. Время добрых надежд. М., 1975.
³ М. А. Унгвицкая. Путь поэта (рукопись, стр. 15).
⁴ Р. Бикмухаметов. Роман и литературный процесс «Вопросы литературы», 1971, № 9, стр. 14.

⁵ Петр Трояков. Аар пазыгдаң позаанда, арга чон үсхун-ганда (Н. Г. Доможаковтың «Ыраххы аал» романын үзүрчөбис). — «Ленин чолы». 1961, 9 декабря.

⁶ И. А. Трояков. Первый хакасский роман (о романе Н. Доможакова «В далеком аале»). — Сб. «Литература Советской Хакасии». Абакан, 1962, стр. 7—30.

⁷ Петр Трояков. Очерки развития хакасской литературы. Абакан, 1963, стр. 127—138.

⁸ У. Кирбижекова. Ыраххы аал писке чагын. — «Ленин чолы». 1964, 24 и 26 сентября.

⁹ У. Н. Кирбижекова. Н. Г. Доможаковтың «Ыраххы аал» романынаңар. — «Хакас тілінеңер паза литературадаңар», (сб. статей по хакасскому языку). Абакан, 1967, стр. 26—42.

¹⁰ К. Ф. Антошин. Роман Н. Г. Доможакова «В далеком аале». — В сб. «В братской семье народов». Абакан, 1968, стр. 129—140.

¹¹ С. Сартаков. — «Роман-газета», 1970, № 2 (Предисловие)

¹² Г. Домидзе. Ленинизм и судьбы национальных литератур. М., 1972, стр. 257: его же. Расширение эстетического диапазона «Вопросы литературы», 1971, № 9, стр. 16—24.

¹³ Ю. Николаев. Буря над аалом. — «В мире книг», 1970 № 4, стр. 32

¹⁴ И. Захорошко Рец. — «Молодая гвардия», 1971, № 8, стр. 319.

¹⁵ В. Горбачев. Многоголосье. — «Огонек», 1972, № 47, стр. 24.

¹⁶ Л. Теракопия. Выбор пути — обретение родины. — «Литературное обозрение», 1973, № 1, стр. 19.

¹⁷ Л. Якименко. На дорогах века. М., 1973, стр. 173.

¹⁸ С. И. Гармаева. Развитие повествовательных жанров в литературе народов Сибири (опыт сравнительно-типологического изучения литератур Бурятии, Алтая, Тувы и Хакасии). М., 1973. Автореферат канд. дис.

См. также:

Л. П. Якимова. У истоков большой прозы литературы народов Сибири. «Вопросы русской и советской литературы Сибири». Новосибирск, 1971.

К. Ф. Антошин, А. Г. Кызласова. От чатхана к роману. «Сибирские огни», 1971, № 10.

К. Ф. Антошин. Ленинская концепция социалистического искусства и хакасская литература. В сб. «По ленинскому пути». Абакан, 1970, стр. 111—112.

К. Шней-Красиков. Образ Сабиса в романе Доможакова «В далеком аале». В кн.: «Современник, каков он?» Красноярск, 1974, стр. 11—15.